



УДК 811.161.1'38+811.111'38

## МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ КОНТЕКСТОВ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ (на материале русского и английского языков)

Ю. Н. Мухина

Саратовский государственный университет  
E-mail: to\_juliam@mail.ru

В фокусе исследования, представленного в данной статье, находится моделирование процесса иронического смыслообразования. Моделирование осуществляется в виде иерархически организованных ментальных пространств, которые представляют собой когнитивные контексты, обеспечивающие понимание иронии.

**Ключевые слова:** ирония, ментальное пространство, когнитивный контекст, опорное знание.

### Modelling Cognitive Contexts of Verbal Irony (on the Material of the Russian and English Languages)

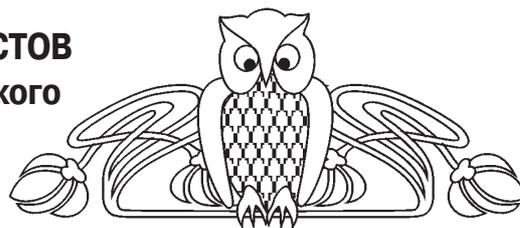
Yu. N. Mukhina

The research represented in the article focuses on the modelling of the process of ironic meaning construction. The modelling is realized in the form of hierarchically organized mental spaces. These are cognitive contexts that provide comprehension of irony.

**Key words:** irony, mental space, cognitive context, basic knowledge.

В сложившейся лингвистической научной парадигме многие частные вопросы озвучиваются по-новому, что обусловлено выдвиганием на передний план когнитивной функции языка. К таким вопросам относится и ирония, широко освещенная в рамках структурного и функционального подходов, но не получившая к настоящему времени последовательного и непротиворечивого описания с позиций когнитивной лингвистики. Работы, выполненные в русле когнитивизма, единичны и не раскрывают связи между языковым выражением иронии и соответствующими ему блоками знания (когнитивными структурами), которые обеспечивают понимание этого языкового выражения. Установление данной связи является одним из основополагающих принципов современной лингвистики, которая вносит свой вклад в общую теорию интеллекта, и в иронически маркированных языковых единицах позволяет «вскрыть» и смоделировать механизмы иронизирования – важной когнитивной способности.

Исследовательский интерес лингвистов к иронии не угасает на протяжении многих десятилетий, о чем свидетельствует широкий круг работ. В стилистике ирония связывается с авторским замыслом и модальностью повествования и рассматривается в ряду других стилистических тропов<sup>1</sup>. В теории интерпретации художественного текста



ирония находится в тесном взаимодействии с контекстом, подтекстом, текстовой импликацией, создавая в подобной совокупности дополнительную глубину содержания<sup>2</sup>. Коммуникативно-прагматическое изучение иронии происходит в рамках речевого этикета, где она рассматривается как способ вербального взаимодействия с собеседником в различных речевых жанрах<sup>3</sup>. В рамках лексической семантики изучаются семантические типы слов, подверженные иронии, лексические значения, порождаемые ироническим преобразованием смысла, семантические преобразования иронически употребленных единиц текста<sup>4</sup>. Зарубежными исследователями предложена семантическая теория, основанная на прецедентном характере иронии<sup>5</sup>. Несмотря на разнообразие аспектов изучения, единой теории, рассматривающей иронию как когнитивную способность (что актуально для современной научной парадигмы), нет.

В последнее время появляются работы, выполненные в русле когнитивной лингвистики (см., например, диссертационное исследование И. А. Котуровой «Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике»<sup>6</sup>), однако нет четкого ответа на вопросы «Почему данная языковая форма выбрана для выражения иронии?» и «Как на когнитивном уровне осуществляется иронизирование?» Отчасти ответы на эти вопросы дает моделирование когнитивных структур, стоящих за иронически маркированными языковыми единицами. В работах исследователей эти структуры описываются терминами «когнитивные контексты» (Р. Лангакер), «фрейм» (Ч. Филлмор), «ментальное пространство» (Ж. Фоконье, Дж. Лакофф). В нашей работе в качестве основной методологической установки предлагается использовать Теорию ментальных пространств и Теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера<sup>7</sup> и с ее помощью выявить соотношение и взаимодействие иронически маркированных языковых единиц и лежащих в их основе когнитивных структур, смоделированных в виде ментальных пространств. По мнению А. Е. Кибрика, метод «целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы и языкового поведения» является ключевым для всей современной когнитивной лингвистики<sup>8</sup> (под когнитивными структурами понимаются системы репрезентации знаний в человеческом сознании,



которые вместе с тем являются системами извлечения и анализа текущей информации).

В свете Теории ментальных пространств и Теории концептуальной интеграции, предложенной американскими лингвистами Ж. Фоконье и М. Тернером, ироническое оценивание становится актуальным как когнитивная операция, лежащая в основе способности человека к рассуждению, умозаключению, оценке, принятию решения, изобретению и т. д., обладающая динамизмом и гибкостью. В содержательном отношении ментальные пространства представляют собой модели дискурсного понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения в процессе коммуникации. Это такие сущности, как непосредственно данная нам реальность (так, как мы ее понимаем), вымышленные и гипотетические ситуации (книги, картины, фильмы и т. п.), прошлое и будущее ситуаций (в нашем понимании), сфера абстрактных категорий и математических концептов. Иными словами, любому положению дел в нашей концептуализации соответствует ментальное пространство. Как таковые, пространства обладают большой гибкостью и в каждый данный момент не обязаны сохранять последовательность и непротиворечивость, что в целом отражает особенности человеческого общения и, следовательно, позволяет более адекватно моделировать процесс речевого восприятия. Указанные свойства ментальных пространств изначально заложены в иронии, которая, динамически создавая значение, объединяет структуры исходных ментальных пространств в новом, сконструированном ментальном пространстве. Такое объединение, по Ж. Фоконье и М. Тернеру, есть концептуальная интеграция (блендинг). Динамический характер смыслового пространства иронии и иронически маркированных единиц языка до сих пор остается за пределами научного поиска лингвистов, хотя давно отмечено, что именно в иронии наблюдается «передвижение» значения, «величайший качественный сдвиг» (greatest qualitative shift)<sup>9</sup>.

Все больше и больше укрепляется идея о том, что информация, используемая человеком при интерпретации сообщения, не ограничивается знанием только языка. Понимание иронического текста, в частности, включает знания о мире в целом. Однако, по известному тезису Е. С. Кубряковой, сколько бы сведений помимо языковых ни требовалось для правильного понимания текста или дискурса, начальный импульс такого понимания задан поверхностной языковой формой, и она рассматривается как опорная структура в этом сложнейшем процессе<sup>10</sup>. По словам исследователя, другой базы для изучения так называемых глубинных форм, кроме той, что основана на языковом материале, не существует. «Вопрос заключался всегда лишь в том, что конкретно можно извлечь из языкового материала и как далеко могут зайти процессы абстракции в ходе его описания»<sup>11</sup>.

На этом поверхностном уровне ирония принимает самые разнообразные очертания: от «классического» антифразиса (употребления слова, контекстуальное значение которого противоположно его словарному значению) до широкого диапазона языковых единиц, считающихся иронически маркированными в силу определенных контекстуальных условий. Так, иронически маркированными могут быть лексические и фразеологические каламбуры, метафоры, аллюзии и другие образные средства языка<sup>12</sup>. Все это – частные случаи так называемой иронии «в узком смысле», вербальной иронии (в отличие от иронии «в широком смысле», то есть иронии как категории текста или драматической иронии). Именно этот вид иронии является предметом исследования, представленного в данной статье.

Формат научной статьи не позволяет охватить все многообразие языковых форм иронии и смоделировать стоящие за ними структуры. На наш взгляд, создание базовых моделей классического антифразиса позволяет заложить основы моделирования более сложных, комплексных иронических фрагментов.

Функционирование данного типа иронии можно проследить на примере высказывания одного из персонажей комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным» (O. Wilde. *The Importance of Being Earnest*): *J a c k (very irritably): How extremely kind of you, Lady Bracknell!*<sup>13</sup> Смысл, передаваемый иронией, напрямую не выводим из значений ее элементов. Содержание, репрезентируемое фразой «How kind of you!», имеет устойчивый этикетный характер и сводится к выражению благодарности или похвалы. Для преодоления этого препятствия требуется сложный процесс обработки информации, заключающийся в выводе информации, стоящей за языковыми знаками, репрезентирующими иронию.

Выявление иронической имплицатуры складывается поэтапно из стратегий идентификации автора иронии (Джона Уордига, молодого аристократа), объяснения причины иронического выбора (корыстного расчета его собеседницы, леди Брэкнелл, при выборе супруга для дочери), субъективной оценки речевого поведения иронического говорящего (притворного восхваления, за которым в действительности стоит порицание). Автор иронии, вербализуя свое намерение, может использовать неограниченный набор средств; для опознания иронии необходимым оказывается достаточно большой объем фоновых знаний слушающего/читающего. В ткани художественного произведения значительную помощь оказывают текстуальные моменты, соотношенные с общими условиями формирования смысла, которые определяют направления, из которых этот смысл складывается. В. Александров называет подобные моменты герменевтическими указателями, определяющими возможные прочтения текста<sup>14</sup>.



Немаловажными оказываются подобные векторы и при декодировании иронического смысла.

В литературном произведении присутствует большое количество маркеров, которые указывают на подобные явления, поскольку в их состав входят не только диалоги, но и их вербализованный контекст, и описание места действия, наружности персонажей и т. д. Такого рода указатели со всей очевидностью способствуют ограничению и большей определенности диалогических контактов между персонажами, что в свою очередь позволяет уточнить «карту» возможных прочтений.

Применительно к интерпретации иронического контекста используется методика вычленения и анализа отдельных герменевтических указателей, в результате чего может возникнуть несколько различных, а иногда и просто взаимоисключающих интерпретаций текста, каждая из которых, однако, находит опору в пучках герменевтических указателей. Это явление вполне естественно, поскольку решающим в процессе интерпретации оказывается тезаурус читающего, который в большинстве случаев сугубо индивидуален, оригинален и неповторим<sup>15</sup>.

Герменевтические указатели – это, по сути, информационные потоки, которые могут быть смоделированы в виде ментальных пространств, в совокупности составляющих модель иронии. Ирония, репрезентированная рассмотренным выше высказыванием, представляет собой экран, на который сходятся проекции пространства диалога между Джоном Уордлингом и леди Брэкнелл (П1), пространства вербализованного (в виде авторских ремарок) контекста диалога (П2) и пространства личности леди Брэкнелл (П3). Из первого пространства наследуется похвала, эксплицитированная во фразе «How extremely kind of you!», которая сопровождает поступок или поведение, заслуживающие похвалы. Это ключевое понятие ментального пространства П1 есть опорное знание – «освоенное ранее психологически значимое знание, на которое можно опереться при восприятии новой информации, при осмыслении и передаче впечатления от окружающего мира»<sup>16</sup>. Так, опыт подсказывает, что *kind* – значимая лексическая единица, являющаяся семантическим и коммуникативным центром высказывания – характеристика доброго, отзывчивого, внимательного к окружающим человека, что убедительно иллюстрируется следующими дискурсивными отрывками:

*I – I don't know if I was ever so pleased...not only with the presents, but with the kind thoughts of our neighbours [The railway children]. 'He was kind to look after me after you and Maria Luisa ran off into the sunset but...but the old magic wasn't there' [Love or nothing. Fox, Natalie]. If you want your child to be kind, let him know how pleased you are when he shares sweets or acknowledge her deed when she comforts a younger child who is crying [Discipline: a positive guide for parents. Herbert, Martin]. Jessica,*

*a petite blonde with the voice of an angel, was most kind, considerate and friendly; we posed for photos with the director and announcer [In all directions. Dunlop, Roy]. The doctor, my own doctor has been very good and very kind and helpful, but er, I know of no other support group other than Crossroads, who help people like me [Scottish Women: property, the arts, the press, school (Leisure)]<sup>17</sup>.*

Второе ментальное пространство (П2) проецирует на экран иронии закрепленные в сознании носителей языка представления об эмоции, выраженной лексической единицей *irritably* в авторской ремарке и усиленной наречием *very* – крайне раздраженно. На когнитивном уровне представленные в ментальных пространствах П1 и П2 знания оказываются в противоречии, разрешение которого происходит в бленде – сконструированном ментальном пространстве, обладающем собственной оригинальной структурой. Это и есть пространство иронии (ПИ). Помимо проекций двух рассмотренных пространств, П1 и П2, в бленде есть элементы третьего пространства – П3, аккумулировавшего знания и представления читателя о персонаже леди Брэкнелл, которая предстает бессердечной, корыстной, бестактной. Ср.: *Леди Брэкнелл. Должна тебе сказать, Алджернон, что, по-моему, мистеру Банбери давно пора уже сделать выбор, жить ему или умирать. Колебаться в таком важном вопросе недопустимо. Я, по крайней мере, не одобряю современной моды сочувствовать больным людям. Мне она кажется нездоровой. Леди Брэкнелл. Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как трагедию, но потеря обоих, мистер Уордлинг, – это уже небрежность. Леди Брэкнелл. Родиться или пусть даже быть найденным в саквояже, независимо от того, были ли у того ручки или их не было, представляется мне поправимым всех правил приличия, относящихся к семейной жизни. Джеке. В том-то и дело, что с Гвендолен все в порядке. <...> Но ее мамаша – вот в чем заводка. Никогда не встречал подобной Горгоны... Я толком не знаю, как выглядит Горгона, но абсолютно уверен, что леди Брэкнелл – одна из них. Во всяком случае, она чудовище, и вовсе не мифическое, а это, пожалуй, ужаснее всего...<sup>18</sup>*

Моделирование когнитивного контекста, стоящего за поверхностной языковой формой иронически маркированной фразы «How extremely kind of you!» дает ключ к пониманию того, каким образом происходит иронизирование. Очевидно, что ментальные пространства и представленные в них знания не равнозначны по степени своего участия в процессе иронического смыслообразования. Ведущая роль принадлежит ментальному пространству П1, построенному на опорном для данной конкретной ситуации знании. Взаимодействия этого опорного знания со знанием, представленным, по крайней мере, в одном из ментальных пространств (П2 или П3), достаточно



для идентификации иронии и соответствующей инференции. Так, противоречие, свойственное иронии, возникает при: 1) сопоставлении похвалы и характеристики тона говорящего, который эту похвалу произносит; 2) сопоставлении похвалы с поведением личности, этой похвалы не заслуживающей.

Однако это едва ли возможно при взаимодействии пространств П2 и П3. Сопоставление неодобрительного тона говорящего в отношении личности, заслуживающей неодобрения, не приводит к возникновению какого-либо противоречия, а следовательно, и иронии.

Результаты анализа взаимоотношения и взаимодействия языковых форм и ментальных пространств, а также ментальных пространств между собой наводит на мысль о существовании определенной иерархии в ментальном пространстве иронии.

Рассмотрим, каким образом происходит ироническое смыслопостроение в следующем контексте:

*Дежурные шутки домашних по поводу того, как я ловко возжу машину, надоели до полусмерти*<sup>19</sup>.

В рассматриваемом контексте очевидным становится намеренное употребление наречия «ловко» в противоположном смысле, поскольку изначально оно предполагает хорошо сформированные навыки, реакцию и способность справляться с трудными ситуациями. Ср.: *Плотничал он так ловко, что практически ни разу не поранил рук, орудуя электропилой, молотком, дрелью* [С. Спивакова. Не всё]. *Окончила она в своё время радиотехнический техникум, научилась ловко попадать паяльником в нужную точку на плато, и из этого малоинтересного умения, благодаря случайным починкам старинных колёчек и серёжек знакомым арбатским старушкам, подружкам двух своих бабок, образовалась у неё новая профессия* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого]. *Отцовские красивые пальцы ловко просовывали нужный новый яркий провод в невообразимое сплетение проводов и так же ловко с помощью пинцета и паяльника присоединяли провода к нужному лепестку лампы или группе проводов* [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха]. *Тётушка быстро и ловко продевает на вертел вяленое мясо, разгребает жар и, присев на низенький стульчик, покручивает вертел на огне, время от времени отворачиваясь от огня – слишком печёт* [Ф. Искандер. Дедушка]<sup>20</sup>.

Перечисленные качества вряд ли могут подвергнуться высмеиванию, что наталкивает на мысль об их отсутствии у главной героини романа. Герменевтические указатели, задействованные в интерпретационном процессе данного случая вербальной иронии, расположены более локально по сравнению с рассмотренным ранее примером и фактически сосредоточены в пределах контекста предложения.

В ироническом бленде сходятся проекции двух ментальных пространств – пространства «компетентности» (П1) и пространства «некомпетентности» (П2). Из первого пространства П1 наследуется агент (водитель автомобиля) и степень его компетентности (ловкость, умение управлять автомобилем). Именно это знание, стоящее за фразой «ловко водить машину», психологически значимо в данном дискурсивном отрывке и выполняет функцию опоры. Из второго пространства П2 наследуется агент (водитель автомобиля) и степень его некомпетентности (неумение управлять автомобилем). Это знание вербализовано все той же фразой «ловко водить машину», но помимо этого оно визуализировано авторским выделением, что сигнализирует о существовании второго ментального пространства П2, отличного от первого П1. Каким же образом в ироническом бленде происходит замещение одного значения другим? Теория концептуальной интеграции позволяет объяснить это следующим образом. Из третьего ментального пространства «шутка» (П3) заимствуется концептуальная связь между действием (отрицательная оценка) и объектом (компетентность в вождении автомобиля), которая оказывается несовместимой с аналогичной связью в ментальном пространстве «похвала» (П4) (положительная оценка ↔ компетентность в вождении автомобиля).

Очевидно, что взаимодействие опорного знания, сосредоточенного в ментальном пространстве П1, со знанием, представленном в ментальном пространстве П2 либо П3, является достаточным для адекватного восприятия иронии. Так, ловко водить машину и ловко водить машину в кавычках семантически разведены как ситуативные антонимы, то есть функционирующие в данном контексте противоположности. Ловкое вождение автомобиля и шутки по этому поводу также приводят к возникновению смыслового противоречия и, как следствие, иронии. Шутки по поводу неумелого вождения автомобиля подобного противоречия не вызывают, поскольку представляют собой нормальное течение дел.

Рассмотренные в рамках данной статьи примеры, безусловно, являются лишь отдельными фрагментами общей картины того, как на когнитивном уровне происходит иронизирование. Однако на этом, предварительном, этапе представляется возможным сделать следующие выводы. Во-первых, ментальные пространства, принимающие участие в процессе иронического смыслопостроения в вербальной иронии, иерархически организованы; при этом ни одно из пространств не является самодостаточным и автономным. Во-вторых, ведущая роль принадлежит опорному ментальному пространству с представленным в нем опорным знанием, то есть знанием, являющимся психологически значимым для осмысления конкретной дискурсивной ситуации. Существование вербальной иронии возможно при взаимодействии



знания, представленного в опорном пространстве, со знанием, на котором строится хотя бы одно из ментальных пространств, участвующих в иронии. При этом происходит смысловое противоречие, на котором держится ирония. Ирония невозможна при взаимодействии непокорных ментальных пространств между собой, поскольку не возникает противоречия, являющегося характерной чертой вербальной иронии.

### Примечания

- <sup>1</sup> См., например: *Скрбнев Ю.* Основы стилистики английского языка. М., 1994; *Брандес М.* Стилистика немецкого языка. М., 1990; *Арнольд И.* Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М., 1990; *Женнет Ж.* Фигуры. Работы по поэтике. М., 1998; *Чернец Л.* Ирония как стилистический прием // *Русская словесность.* 2001. № 5. С. 69–72.
- <sup>2</sup> См., например: *Иткина Н.* Об иронии (опыт интерпретации текста) // Семантические особенности и функции слов и словосочетаний в английском языке. М., 1986; *Кнокс Н.* Ирония и контекст. М., 1975; *Мальцев В.* Учебное пособие по аналитическому чтению. М., 1980; *Салихова Н.* Контекстно-ситуативные условия реализации стилистического приема иронии и его функционирование // *Научные труды Пединститута иностранных языков.* М., 1976.
- <sup>3</sup> См., например: *Плясунова С., Грянина И.* Ирония в прагматическом аспекте. Рецепция иронического смысла. URL: <http://language.psu.edu/bin/view.cgi?art=0118&lang=rus> (дата обращения: 27.11.2005); *Дементьев В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- <sup>4</sup> См., например: *Ермакова О.* Ирония и проблемы лексической семантики // *Изв. РАН. Сер. литературы и языка.* М., 2002. С. 30–36; *Кулинич М.* Структура и семантика лингвистических средств выражения комического // *Иностранные языки в школе.* 1994. № 4. С. 69–73.
- <sup>5</sup> См.: *Sperber D., Wilson D.* Irony and Relevance : A reply to Drs Seto, Hamamoto and Yamanashi. URL: <http://www.dan.sperber.com/Irony.98.htm> (дата обращения: 20.02.2006).

- <sup>6</sup> *Котурова И.* Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
- <sup>7</sup> *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks. Expanded [Web-version]. URL: <http://www.markturner.org/cin.web/cin.htm> (дата обращения: 23.10.2009).
- <sup>8</sup> *Кибрик А.* Презентация к докладу «Современное состояние лингвистики», сделанному 24.02.05 на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ. URL: <http://www.philol.msu.ru> (дата обращения: 12.09.2011).
- <sup>9</sup> *Шмелев Д.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // *Вопр. языкознания.* 1958. № 6. С. 33.
- <sup>10</sup> См.: *Кубрякова Е.* Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания.* 1994. № 4. С. 42.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> См. подробнее: *Мухина Ю.* Средства репрезентации иронии в художественном тексте (на материале русского и английского языков). Саарбрюккен, 2011.
- <sup>13</sup> *Wilde O.* The Importance of Being Earnest. М., 1979. С. 81.
- <sup>14</sup> См.: *Александров В.* Другость : герменевтические указатели и границы интерпретации // *Вопр. литературы.* 2002. № 6. С. 87.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> *Гольдберг В.* Информационный анализ как метод метакогнитии // *Когнитивные исследования языка.* Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 107.
- <sup>17</sup> *BNC – British National Corpus.* URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/using/index.xml> (дата обращения: 15.01.2012).
- <sup>18</sup> *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея. Исповедь. Пьесы. Сказки. М., 2009. С. 443, 450, 451, 452.
- <sup>19</sup> *Донцова Д.* Жена моего мужа. М., 2003. С. 21.
- <sup>20</sup> *НКРЯ – Национальный корпус русского языка.* URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.01.2012).

УДК 81'42

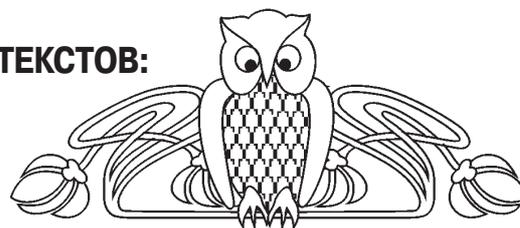
## СТРАТЕГИИ ИМЕНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОВ: ОЗАГЛАВЛИВАНИЕ В ПОЭЗИИ И НЕЙМИНГ В РЕКЛАМЕ

О. В. Соколова

Московский педагогический государственный университет  
E-mail: faustus3000@gmail.com

В статье рассмотрены художественно-лингвистические стратегии озаглавливания (в поэзии) и нейминга (в рекламе), маркирующие тенденцию к активизации эстетической функции в рекламном тексте и способствующие достижению рекламной цели – презентации товара.

**Ключевые слова:** заголовок, озаглавливание, нейминг, поэтический текст, рекламный текст, жанр, рифма, билингвизм.



**Headlining Strategies of Modern Texts: Entitling in Poetry and Naming in Advertising**

O. V. Sokolova

In this article are described some artistically-linguistic strategies of entitling (in poetry) and naming (in advertising) marking a tendency to the activation of aesthetic function in the advertising text and contributing to the presentation of goods as the topical advertising aim.

**Key words:** title, entitling, naming, poetical text, advertising text, genre, rhyme, bilingualism.